

В семье Екатерины и Михаила Федотовых, коренных болотниковских жителей, росло восемь детей. Попробуй, прокорми, одень да обуь всех! Потому и трудился Михаил на своем тракторе на колхозных полях от рассвета до заката, а порой и ночь прихватывал. Раз, уже в потемках, возвращался домой. Да на мосту беда приключилась. Мост тот был старый, деревянный, кое-где доски провалились. Вот трактор и сорвался с него. Дочери Михаила Аннушке лет двенадцать тогда исполнилось, и она хорошо помнит, как рано утром, только-только стадо выгоняли, прибежали к ним люди: «Теть Кать, там, в овраге твой Михаил!»

В стареньком домике Анны Михайловны тихо. Да и кому шуметь? Живет она одна. Дети, внуки, конечно, не забывают, навещают регулярно, помогая во всем. Здоровье вот только подводит, но это и понятно, сколько пережить пришлось! Полегче стало, когда уже сама замуж вышла, за своего же сельского, Виктора Исаева. Работали с мужем в колхозе, потом – совхозе. Я телятницей была. На двоих получали зарплату – тридцать пять рублей. Но тут открыли молокопункт, а мы двух коров держали, вот молоко сдашь и все копеечка в доме. У нас ведь шестеро детей было. Помню, младшенький, Виталик, родился 22 декабря, а ему в документах, как и всем родившимся в конце декабря мальчишкам, записали седьмое января. «Им так проще будет», - сказали. Да и ладно, мне ведь главное было, чтобы он здоровым рос, как и другие дети. Сейчас-то все поразъехались, в городе работают... Но все равно как-то веселее тогда было, несмотря на бедность, люди умели радоваться жизни. А как праздники гуляли! Всем селом, с песнями, весело, хорошо. Кино привезут, за вход надо платить, а откуда у нас деньги? Вот, когда щелочку найдешь, пристроишься, смотришь, а когда киномеханику тайком от матери яичко принесешь, он и пропустит. Зато, когда дядя купил нам черно-белый телевизор, всем селом приходили к нам в дом. В диковинку тогда телевизор-то был. И фильмы тогда были хорошие, правильные, про хороших людей, про героев... Еще нам помогала одна родственница. Принесет старые рубашки, а у меня машинка швейная была, я и перешивала их. Братикам рубашонки, себе платье... А питались со своего хозяйства. Правда, иногда в поле колхозное ночью за просом ходили. Нарвешь, засушишь, вот и еда. Сестра Настасья постарше была, она с 25-го года, а я с 29-го. Она тогда уже работала, да вот только зарплату деньгами не давали, разве что вещами. Помню, привезет полушалки, мы и тому были рады. Мама тоже работала в колхозе. За трудодни. Спасибо, родственники помогали. В церкви тогда сортировку сделали. Там моя тетка работала кладовщицей. Ее муж, дядя Алексей, бывало, зовет: «Приходи к

церкви и кувшин с собой бери, воду нам попить несешь!» Принесу, а они в кувшин зерна насыпят. Боялись, конечно. За такое могли и без вести пропасть. Моя, вон, крестная, десять лет отсидела ни за что. Они тогда пошли с подружкой посмотреть, как церковь ломали. Всем руководил какой-то приезжий. По-моему, Баландин по фамилии, если не путаю. Сколь годков - то уже прошло! Так вот, они просто стояли, а их и забрали. Тете дали десять лет потому, что она родственница Меньшаковым, которых расстреляли за веру. Деда Ефима и его жену тогда в селе жалели. Ни за что погибли люди, никакой вины на них не было... Меня иной раз спрашивают: «Теть Ань, хочешь сказать, что и не пили у вас в селе?» А как тут пить и из чего это все делать, если мы даже не знали, что такое варенье? Бывало, бабушка даст кусочек сахара, так расколешь его на маленькие кусочки и младшим братикам Лене да Петеньке отдаешь, а сама крошки просыпавшиеся смахну и в рот. Вот и все наши сладости. Школа тогда была плохонькая, деревянная, потому иной раз занимались в домах сельчан. И ведь, что удивительно, в таких условиях мы буквально впитывали новые знания, затаив дыхание, слушали учительницу. С нами занимались дети из других сел и деревень: Бекетовки, Ждановки, Мельцапина. Зимой на квартирах жили у наших же деревенских, весной и осенью ходили пешком. Это сейчас все на машинах, шаг сделать боятся. А тогда люди намного проще были, не избалованные. - Учиться мне нравилось, - вспоминает Анна Михайловна. – Хотя как все было? Один учебник на всех, порвется, склеиваем его и опять передаем от одного к другому. Тетрадок и не знали. Привезут бумаги, нарежут ее, а мы уж на этих листках пишем. Сами разливаем их карандашом, вот и тетрадка. Нелегко пришлось семье Федотовых после смерти кормильца. Но, надо отдать должное матери, дети учебу не бросили, продолжали ходить в школу. Как сами добежали до моста, словами не сказать. Сначала трактор хотели другим трактором вытаскивать, потом решили на руках поднимать. Еле-еле мужики справились. А как подняли, увидели: Михаил по-прежнему сидел в кабине, только руки его намертво «прикипели» к рулю, сначала даже не могли отцепить. Видно, в последнюю минуту пытался хоть как-то удержать технику, уже начинавшую падать с моста.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.